

Переночевав, на следующее утро я встал пораньше. Вышел из комнаты и, даже не заглядывая к соседям, уже знал — Минчжу там нет. Спустившись вниз, я увидел его в зале: он о чём-то вполголоса беседовал с хозяином постоялого двора.

Заметив меня, Минчжу расплылся в улыбке:

— Господин, вы уже проснулись? Я заказал завтрак, сейчас всё подадут.

Я кивнул и вежливо поприветствовал хозяина, не вступая в лишние разговоры.

После отдыха Минчжу выглядел бодрее, но в его облике всё равно сквозила затаённая усталость — тот тяжёлый груз, что скапливается в теле после долгих дней пути и который не сбросить за одну ночь. Мне стало неловко: не будь меня, он бы сейчас преспокойно отдыхал в поместье Лазурного Лотоса, а не трясся в дороге, вырывая у сна лишь жалкие крохи времени.

Покончив с завтраком, мы тронулись в путь. Минчжу вывел карету, я же оседлал коня. Хозяин провожал нас встревоженным взглядом, напоследок заклиная быть осторожнее.

— Если станет совсем неважно — возвращайтесь, — твердил он. — Негоже почём зря жизнью рисковать.

Тронутый его добротой, я поблагодарил старика, и мы покинули постоялый двор.

До цели оставался всего день пути. И хотя сил мне было не занимать, в душе нарастало странное беспокойство. Чем ближе мы подбирались к лагерю, тем тревожнее становилось на сердце.

Небо затянуло свинцовой хмарью. Хоть бы не пошёл снег. Я глянул на Минчжу: лицо его покраснелось от лютого мороза. Тихо вздохнув, легко перемахнул с седла прямо на облучок кареты и перехватил поводья. Привязав лошадь к повозке, повернулся к опешившему слуге:

— Ступай внутрь, отдохни. Ты совсем продрог.

— Но, господин...

— Никаких «но», — отрезал я. — Если ты сляжешь, мне же придётся за тобой ухаживать, а это мне совсем не на руку. Живо забирайся в карету.

Минчжу попытался что-то возразить, но в итоге послушно скрылся в тепле.

Я встряхнул поводья, уверенно направляя лошадей. Ледяной ветер хлётко бил в лицо, но от

этого холода мысли становились только острее.

Чем дальше на север, тем явственнее чувствовалось дыхание войны. Вдоль дорог всё чаще встречались беженцы, но паники не было — император Яньцин, судя по всему, сумел навести порядок, и власти на местах работали чётко. Однако бывшее спокойствие городов сменилось глухой тревогой, витавшей в морозном воздухе.

Имя генерала Баоцзина — Лань Цзиюя — гремело повсюду. Уличные сказители уже всюду слагали о нём легенды, называя величайшим героем и военным гением. Я лишь горько усмехнулся про себя. Настоящие герои рождаются только в смутное время; в мирные годы любой талант рискует зачахнуть в неизвестности. К тому же, слава полководца всегда замешана на крови. Чьими жизнями оплачено его громкое звание? Сколько воинов полегло, чтобы он стал «великим»?

Что же с ним стряслось на самом деле? Учитывая его значимость, двор наверняка отправил бы к нему лучших имперских лекарей. Но раз император послал тайное письмо моим наставникам, требуя немедленного приезда Второго наставника — дело было из рук вон плохо.

Я сосредоточенно всматривался вдаль. Зимние сумерки в этих краях наступают внезапно, и небо быстро начало темнеть. Наконец, на горизонте показались флаги: густо-синие имперские стяги Династии Цинъюнь с золотыми драконами и огромное полотнище с иероглифом «Лань».

Облегчённо выдохнув, я направил коней к лагерю. Расположились воины с умом: лагерь стоял в низине под защитой горного склона, укрытый от ветра. Позиция была выгодной — с высоты всё было как на ладони, так что внезапного нападения можно не опасаться. В сумерках он уже расцвёл огнями факелов.

У ворот я остановил повозку. Минчжу выбрался наружу и перехватил у меня поводья, а я направился к дозорным. Солдаты у ворот преградили путь, сверля нас подозрительными взглядами.

Я вежливо сложил руки в приветствии и ровным голосом произнёс:

— Доброго здоровья, воины. Будьте добры, доложите генералу Лань Цзиюю, что его просит принять Хань Сяо.

— Кто таков? — сурово спросил солдат справа. — По какому делу к генералу? Знак пропуска имеется?

Я на мгновение запнулся. И впрямь — кто я такой? Сказать, что я лекарь? Нельзя, дело тайное. Сказать, что я друг генерала? Ещё глупее. Как мне объяснить дозорным, зачем я здесь? А уж про «знак пропуска» я и вовсе слыхом не слыхивал.

Мы замерли, глядя друг на друга. Солдаты не сводили с меня глаз, ожидая ответа.

И тут я вспомнил про яшмовую подвеску. Ну и болван же я! Старший наставник ведь ясно сказал, что это — залог. Но поймут ли простые стражники, что это за вещица?

Ладно, была не была.

Я достал из-за пазухи яшмовую подвеску и протянул дозорному:

— Это мой пропуск. Передайте его генералу Лань, и он сразу всё поймёт.

Солдат осторожно принял яшму, смерил меня недоверчивым взглядом и бегом скрылся в глубине лагеря. Я остался ждать у ворот, заложив руки за спину и стараясь не выдать своего волнения.

<http://bllate.org/book/17518/1721995>